

— Сама Пантелеевна недуг одолела, пережила операцию в Москве на Каширке, выкарабкалась, а теперь поехала дочку в Москву хоронить, — переживает за пожилую соседку старожил дома №22, что стоит на улице Красный Путь.

Здесь, в старой девятиэтажке, живет мама Любови Полищук Ольга Пантелеевна. Долгие годы их семья обитала в старом районе Омска — Кировском поселке. Дом барачного типа, где выросли Люба, ее сестра и брат, снесли недавно.

— Давно унесли на погост главу семьи, — говорит соседка Клавдия Степановна. — Он всю жизнь горбатился на стройке. Не удержался на этом свете и их единственный сын. Спился. Он умер во дворе прямо на лавке. Одни девки у Полищук в люди вышли — младшая Люда лет 17 как в Германии с мужем живет, а Любашей гордится весь Омск. Она к матери частенько приезжала. Да и в Москву погостить забирала. А теперь Ольга Пантелеевна осталась, считай, одна. Как переживет похороны дочки?

У закрытой двери в квартиру Полищук стоят в банках живые цветы. Кипы гвоздик у портрета в черной рамке сложены и в вестибюле филармонии, где в 70-е годы начинала свой творческий путь актриса.

— Природой ей было отпущено сполна, — говорит Александр Дмитриев, работающий ныне заместителем директора Омской филармонии. — Я помню ее 19-летней девчонкой. В 68-м году при филармонии создавали молодежную группу "Омичи на эстраде". Отбирали самых талантливых. В числе 30 счастливиц оказалась и Люба. Весь коллектив отправили на учебу в Москву. Курс во Всероссийских театральных мастерских вели Михаил Масляков и Тамара Птицына. У последней Люба сразу стала любимой ученицей. Наставница все время ставила ее в пару с курсником Валерой Макаровым. Тамаре Николаевне он казался импозантным, во всем подходящим талантливой Любаше. А парень он действительно был видный. Репетировать этюды и сценки они вынуждены были вдвоем. Вскоре Птицына их и поженила. Любе было 20 лет, а Валере — 22 года.

С готовой программой студия вернулась в Омск. Молодоженам дали ведомственную квартиру. Люба с Валерой разыгрывали комористические сценки.

— Любаша была уверена, что ее ждет большое будущее, — рассказывает близкая подруга актрисы Алла Табанаква. — Она была по-хорошему упертой. Репетировала сутки напролет, буквально жила на сцене. Каждый в эстрадном коллективе работал в своем жанре. Люба переплывала в мастерстве всех: пела, жонглировала, пародировала. Она понимала, что ей многое по плечу, и стала пробиваться на столичную сцену. Вскоре Любовь Полищук начала блистать на сцене московского мюзик-холла. Ее пригласили в спектакль "Красная стрела".

— В столицу Люба укатила вместе с Валерой, — рассказывает Александр Дмитриев. — Через год у них родился сын Лешка. Деньг молодой семье не хватало. Спали урывками.

Подававший надежды Валера стал чаще сидеть в театре на "скамейке запасных", а звезда Любови Полищук разгоралась. Начались ночные съемки. Муж страшно ревновал ее, и не только к профессии. Все завершилось разводом.

— Каждый пошел своим путем, — продолжает Алла Табанаква. — Люба снимала квартиру на Сущевском Валу. Крутилась как белка в колесе: утром репетиции, вечером спектакли. На все гастроли брала с собой сына. Валера ей не помогал. Ставка за концерт у Любы была 10 рублей 80 копеек. Из зарплат нужно было выкраивать деньги на оплату квартиры, кормить сына и самой эффектно одеваться.

Валера скоро женился на танцовщице из мюзик-холла Татьяне. Через год у них родилась дочка Лена. Только и этот брак для Макарова оказался неудачным.

— Чему удивляться? — говорит Алла. — Валера был человеком неуживчивым и, что страшнее всего, жадным.

Покончив со столичной карьерой, Валерий Макаров вернулся на родину, в Омск, стал работать, как прежде, в филармонии артистом разговорного жанра.

А заветной мечтой Любови Полищук стал БДТ Товстоногова.

— Мэтр сказал Любаше: "Нужно получить высшее театральное образование". Она напряглась и поступила в ГИТИС.

(Но в какой-то момент Люба поняла, что она больше эстрадница, чем театральная актриса. После того как в "12 стульях" она станцевала с Мироновым "Танго страсти", одно за другим посыпались предложения сняться в кино.)

— Хороша она была в те годы как никогда. Мы называли ее "русской Лайзой Миннелли".

Люба часто приезжала к матери в Омск, да и в Москву забирала погостить.

ЛЮБОВЬ

Первый муж актрисы — Валерий Макаров страшно ревновал ее, и не только к профессии. Расшатавшиеся отношения завершились разводом.

ПАМЯТЬ

— Мужчины вокруг падали штабелями?

— Любу мужская братия побаивалась. Она была высокая, резкая, иногда грубоватая. Могла с ходу отшить. Но с теми людьми, кто ей нравился, она была просто душкой. Мне, например, с ней всегда было очень легко. Я была матерщинница, и она от меня не отставала. Люба не была ханжой. С чопорными людьми ей было скучно. Долгое время она дружила с выходцами из провинции: сестрами Пичугиными из Гусь-Хрустального и Люсей Адаменко, приехавшей из Омска.

— В те годы у Любови были романы?

— Один. Но какие искры летели! Позже Любаша мне признавалась: "Только с Сережей Сандуленко я узнала, что такое страсть!" Цыган Сандуленко был необыкновенно хорош. Мало кто знал, насколько Люба была с ним счастлива и несчастлива... Каждый понимал: их союз обречен. Сандуленко был из богатой цыганской семьи и, что страшнее, обручен с цыганкой из знатного рода, а послушаться родителей он не мог. Я знала, что к Любе в гримерку приходил для серьезного разговора цыганский барон. Только близкие подруги знали, как Люба переживала и чего ей стоил разрыв с любимым. Тогда она просто неистовствовала на сцене. Никто из зрителей не догадывался, какой пожар горит у нее внутри.

— Личная жизнь в 80-е годы так и осталась у нее неустроенной?

— Люба говорила: "Сгорела!" Одно время она признавалась, что за ней ходит по пятам Гафт. Валентин красиво ухаживал. Она восторгалась им как актером, уважала как порядочного человека, но огонек в душе так и не загорелся. На том они с Валентином и расстались.

Люба продолжала мыкаться по чужим углам, одно время снимала комнату в большой коммунальной квартире. Это был настоящий клоповник. Удивляло, что все соседские кошки ошивались в комнате у Любы. Она считала копейки, но все-таки умудрялась всех усасть перидически одаривать рыбой.

Настоящее удовольствие она получала в те годы только от игры на сцене. А как в компаниях блистала! За столом всегда верховодила, была тамадой. Анекдоты в лицах так рассказывала, что многие сползали от смеха под стол. Но комфортно себя чувствовала только в кругу друзей, когда можно было расслабиться.

— Из-за резких высказываний на нее не обижались?

Любовь Полищук носила в молодости короткую стрижку.

— Даже что-то хлесткое Люба говорила с такой непосредственностью, с таким добродушным выражением лица, что обижаться на нее было невозможно. Например, наша общая подруга Люся Адаменко работала "женщиной-каучуком" — гнулась в разных позах на сцене. Бывало, Люба ей за кулисами кричала: "Люська, ты что, все детство просидела на пороховой бочке?" У Адаменко были кривые ноги. Но Люба и себя не щадила. Любаша была красавицей, но у нее был один недостаток. Люба бы поправила — "четыре!". У нее были очень крупные кисти рук и ступни. Сапоги она носила 42-го размера, а у кофточек все время подтягивала рукава. Но особенно она по этому поводу не комплексовала, часто говорила, смеясь: "Не руки, а грабли, не ноги, а лапы!". И очень любила носить каблук.

— А подружкой была хорошей?

— Отменной. Никогда не завидовала чужой красоте. Любила окружать себя видными подружками, для которых была готова броситься хоть в огонь, хоть в воду. Однажды я усомнилась в верности своего молодого человека. Любка тут же предложила: "Давай устроим засаду". Был мороз. Недолго думая, она нацепила на себя белый тулуп и ринулась прятаться в сугроб. Вот мы с ней сидим в снегу и давай над своей дурью смеяться. Через полчаса вылезли, махнули рукой: "К черту мужиков, в которых сомневалась!" Любили наведаться в Дом актера. Сидели, эстетствовали, пили шампанское, а потом, бывало, глубокой ночью отправлялись домой на снегоборочной машине.

— Но выйдя замуж за скульптора Сергея Цигалю, Люба остепенилась?

— Успокоилась, расцвела. В кои-то веки ей не нужно было думать о квартире, о том, что старые сапоги прохудились... Она столько в жизни хлебнула, что заслужила это тихое семейное счастье. Они с Сережей тут же забрали сына Лешку из интерната, где он вынужден был жить и учиться из-за постоянных гастролей Любы. Муж очень хорошо повлиял на Любу. Раньше она никогда не была хорошей хозяйкой. Со стряпней тоже не любила возиться, готовила, что попроще. А в браке с Цигалем увлеклась кулинарией. В доме у нее появились комнатные цветы. И родившейся дочке Маше отдавала много сил. Сергей открыл в Любе женственность. Она стала мягче, улыбчивее.

— А как сложилась жизнь первого мужа Любы Валеры?

— Началась перестройка, несмотря на тяжелое время, друзья помогли Валере издать сборник стихов. Но и это не помогло. Пессимистические настроения одолевали Валеру, он запил. Как-то я встретила его на улице, еле узнала. Навстречу мне шел одутловатый мужчина с "лицом-мочалкой". Когда я рассказала Любе по телефону о встрече, она отмахнулась: "Валера — черное пятно в моей жизни". Он так и не нашел себя. Умер совсем молодым.

Люба с подружками стала реже перезваниваться. Она много работала, в Омск приезжала лишь дня на 2—3.

— Особенно мне запомнилась наша встреча лет 6 назад, Любка тогда прикатила к нам с антрепризой, где участвовали кроме нее Безруков и Щербаков. Ворвалась ко мне в кабинет, тут же с порога закричала: "Ну и рожа у тебя, Шарапов!" А я действительно выглядела неважно. Сама Люба просто цвела. Тут же без обиняков выложила: "Сделала пластику". И мою внешность обещала подправить. При этом юморил: "Тут поможет только обрезание!" Укатила так же внезапно, как появилась. Потом я узнала, что она заболела. Позвонила Любе как-то, она обрадовалась, но я чувствовала, что отвечает она с усилием. Еле расслышала: "Алюня, позвони мне попозже, я с силами соберусь". Уже тогда я поняла, что из нее уходит жизнь.

Светлана САМОДЕЛОВА, Омск—Москва.

Всегда веселый и гостеприимный дом Маргариты Эскиной сегодня странный и словно бы пуст (хотя каждый сантиметр — люди да цветы, цветы да люди). Будто сам дом не понимает сути происходящего...

"Я ЖИТЬ ХОЧУ!"

Москва поклонилась Любви Полищук

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

10 утра. Сергей Цигаль (муж Любы) пытается участвовать до конца в организации прощания: вот кто-то входит в пальто — да, разумеется, всех раздеть невозможно. Ну, хорошо — поставьте в проходе вешалку... Интеллигентность до конца. Родственница Сергея протискивается к какой-то женщине, сидящей на первых рядах. "Давай срочно — 15 капель валерианы и 15 пустырника. Это маме Любы..." Да и вообще, едва ли не первыми в зал вошли трое служащих "скорой" с тремя ярко-красными чемоданчиками. Мало ли что. Ведь как сказал кто-то — "здесь пройдет вся страна". И она прошла: Калегин, Меньшов (на фото внизу), Швыдкой, Якубович, Угольников, Кобзон... И все говорят одно: "Как же так? Как это возможно? И разве это справедливо? Женщина-клоун, женщина-карнавал!" Режиссер Левитин, худрук театра "Эрмитаж".

— С уходом Любы — нет куража на российском пространстве. За две недели до сегодняшнего дня я понял, что с нею происходит что-то серьезное. Нет-нет, не думал, что смертельное... И я предложил Любе: если тебе трудно ходить, я буду возить тебя по сцене — будешь играть Гурмыжскую в "Лесе"... И она не своим голосом ответила: позвони через две недели...

Многие из тех "простых людей", кто проходил по сцене, хотели потом остаться в зале, послушать. Полюбоваться прекрасным портретом. Но увы, возможности зала этого не позволяли... "Только для родственников". — "Да я Сережу Цигалю с детства знаю!" — "Вы видите: нет места..." Кто-то шептался в зале: "Почему здесь, а не в Доме кино?", "Почему хоронят на Троекуровском?" Любе это все равно.

Иосиф Кобзон: "Дорогая Любаня... Я как никто другой в твоей трагедии понимал тебя. Старался найти нужные слова. Но ты всегда отвечала — пока могла отвечать, — что ничего не боишься. Люба была обречена. Мой последний разговор с нею был для меня трагическим. Потому что я пытался с нею говорить ее интонациями, ее языком... Сказал ей: "Любанька, держись! Все будет хорошо!" И вдруг она в какой-то истерике произнесла фразу: "Иосиф, я жить хочу!" И я понял, что она прощается с нами..."

Ян СМЕРНИЦКИЙ.